

Елена БРУСИЛОВСКАЯ

ПРИОТКРЫВАЯ ЗАВЕСУ ВРЕМЕНИ

Морис Симашко как основатель жанра
исторического романа в Центральной Азии

Принято считать, что самый главный судья, определяющий степень таланта писателя – это время. Народный писатель Казахстана, лауреат Президентской премии мира и духовного согласия и Государственной премии КазССР, номинант Международного ПЕН-клуба на Нобелевскую премию по литературе, прозаик, сценарист, драматург, переводчик Морис Симашко, 100-летие которого отмечает Казахстан, с честью прошел через это испытание – его романы и повести востребованы, их читают, о них спорят, их изучают и сегодня.

Международные литературные чтения, посвященные творчеству Мориса Симашко, которые проводят в Алматы Республиканская еврейская общинная библиотека имени М. Симашко, Ассоциация еврейских национальных организаций РК «Мицва», Институт литературы и искусства имени М. О. Ауэзова, Союз писателей Казахстана и Казахский ПЕН-клуб под эгидой Ассамблеи народа Казахстана и Евро-Азиатского Еврейского конгресса, ежегодно собирают широкий круг заинтересованных участников из нашей страны и стран дальнего и ближнего зарубежья.

Три итоговых сборника научных, публицистических, мемуарных материалов, изданных по результатам симашковских чтений, которым посвящен наш обзор, – это неоценимый вклад в современное изучение творческого наследия и личности выдающегося казахстанского писателя XX века Мориса Давидовича Симашко, которого называют основателем жанра исторического романа в Центральной Азии.

История как познание мира

Первые международные литературные чтения, посвященные Морису Симашко, прошли 18 марта 2021 года, в день рождения писателя, в Республиканской еврейской общинной библиотеке его имени в Алматы. Надо сказать, все двадцать лет, прошедшие со дня смерти Мориса Давидовича в Тель-Авиве в 2000 году, его творческое наследие, его личность оставались в поле деятельного внимания казахстанских литературоведов, писателей, журналистов, кинематографистов: достаточно назвать книгу исследовательских материалов Светланы Ананьевой «Морис Симашко» и документальный фильм Александра Головинского «Миры Мориса Симашко», ставший лауреатом многих кинофестивалей. Инициатива Ассоциации еврейских национальных организаций РК «Мицва», ее председателя Александра Иосифовича Барона стала ожидаемой и общественно востребованной в наше время.

Ведь Морис Симашко был не только выдающимся писателем, «открывшим миру Восток», Морис Давидович был удивительным человеком, прошедшим, как говорил его друг, писатель Герольд Бельгер, огонь, воду и медные трубы. Симашко был частью истории большой, ушедшей в прошлое страны со всеми ее трагедиями, метаниями, победами и поражениями. Всё это вместе – голод 30-х годов, сталинские репрессии, война, послевоенная разруха – составило и его жизнь. И целую эпоху, нуждающуюся в исследовании и переосмыслении, в том числе через произведения и драматические перипетии судьбы писателя. Это и стало содержанием международных симашковских литературных чтений, и в этом сегодня ценность материалов уже трех итоговых их сборников. Они продолжают открывать нам неизвестного Симашко, с позиций нового времени прочитывать страницы его исторической прозы.

Когда-то мудрый Антуан де Сент-Экзюпери сказал: «Слова не имеют ценности, если они не родились из долгого пути под звездами». Экзюпери, как и Морис Симашко, был летчиком, и, кто знает, может, с высоты Земля людей действительно видится по-иному, даруя избранным духовное прозрение, которое позволяет не только глубоко, философски осмысливать происходящее, но и приоткрывать завесу времени.

У Симашко был свой «долгий путь под звездами», который через историю привел его в литературу. Когда-то давно, когда Морис Давидович был рядовым корреспондентом провинциальной газеты «Туркменская искра», он приезжал на раскопки к гениям археологии Масону и Толстову. Рассматривая как-то извлеченный из земли старинный кувшин, Морис Давидович с удивлением заметил, что узор на одеждах работающих рядом в поле туркменок поразительно повторяет тот самый орнамент, что наносили на свои изделия древние мастера.

Этот орнаментальный повтор событий и стал для него ключом к прочтению истории, сделав Симашко одним из основателей школы нового исторического романа в Центральной Азии. Он был автором 20 книг, по его сценариям поставлено около десяти фильмов.

Многогранная личность Симашко, его удивительная, не похожая ни на какую другую проза и сейчас привлекает читателей и литературоведов. Не случайно на Первых литературных чтениях было так много участников не только из Казахстана, но и ближнего, и дальнего зарубежья.

Об этом – Истории и Времени – говорил на открытии Первых международных литературных чтений председатель совета Ассоциации «Мицва», член Совета Ассамблеи народа Казахстана Александр Барон, чьими усилиями

ми во многом был воплощен в жизнь проект международных литературных чтений, посвященных творчеству Мориса Симашко.

«Обладая редчайшим даром входить в иные миры», по глубокому убеждению Мурата Ауэзова, Морис Давидович «через горький запах полыни просто и убедительно рассказал нашу историю. Отсюда – абсолютная достоверность характеров от времен Бейбарса и персидского средневековья до современности». Великим предтечей евразийства называл М. Симашко великого Абая.

Казахстан – страна, вобравшая в себя народы, лишённые своего дома. Такой образ создает Морис Симашко. «Так принято здесь от века, что не позволит казах умереть с голоду находящемуся рядом с его юртой человеку, какого бы роду-племени тот не был. Благим делом всегда считалось воспитать сироту из другого народа».

Обращение к исторической памяти на протяжении всего творчества было для Мориса Симашко определяющим, отметил Александр Барон.

Исследователи творчества писателя подчеркивали, что Морис Давидович был знаковой фигурой в литературе Казахстана, его хорошо знали и за пределами республики. Морис Давидович был первым казахстанским автором, опубликовавшимся в Москве в самом популярном советском литературном журнале «Новый мир». Он был самым переводимым казахстанским писателем и на Западе, не случайно во Франции его называли «Морис Симашко, открывший Восток». Он действительно открыл Восток, и не только Западу, но и нам.

Кстати, сам Морис Давидович в одном из своих интервью на вопрос, почему он работает в основном с историческим материалом, ответил: «Потому что история повторяется, потому что она учит жить».

«Историю... я не то чтобы любил – это неподходящее слово. Я ее как бы чувствовал, когда еще лет восьми отроду копался в двух кварталах от нашего дома в развалинах турецкой крепости Хаджибей, – пишет он в “Четвертом Риме”. – И еще пушка английского фрегата “Тигр” со времен Крымской войны стояла на Приморском бульваре Одессы. Я лазил по ней, ощущая тепло вылетевших некогда из ее чугунного чрева ядер. Потом история обступила меня со всех сторон в древнем Мерве. И не писать я уже не мог».

«Симашко действительно жил историей, а история жила в нем, – писала о нем известная журналистка Людмила Енисеева-Варшавская, хорошо знавшая и самого автора, и его творчество. – Она, эта история, звучала в нем всеми голосами, перекликалась на языках древнего мира, представляла живыми картинами давно ушедших эпох и событий».

Ему было дано заглянуть далеко в прошлое, осмыслить его, чтобы лучше понять настоящее, ведь именно там, за далью веков, и таятся истоки всех сегодняшних социальных процессов. А еще он понял, что это переплетение времен и судеб цементирует мир.

«Что же понимать под исторической памятью? – задался вопросом участник литературных чтений, председатель научно-экспертной группы Ассамблеи народа Казахстана города Алматы Мухтарбек Шайкемелев. – Это способность общества сохранять и передавать из поколения в поколение знания о произошедших исторических событиях и великих деятелях ушедших эпох, о национальных героях и ключевых этапах, которые прошел тот или иной народ в своем развитии».

Наше восприятие истории должно быть цельным, позитивным и объединять общество, а не разделять. Сейчас мы наблюдаем, как появляются мо-

дели исторического сознания, которые разделяют общество на этнические, религиозные и социальные группы, а не сплачивают их.

«На примерах объединительных идей таких ярких писателей-интернационалистов, как Морис Давидович Симашко, необходимо культивировать в обществе поведенческие модели и ценности, которые заложены в исторической памяти казахского народа – уважение к старшим, терпимость к чужим верованиям, примат духовной культуры над материальной, любовь к родной земле. В этом заключается историко-генетический код казахов, который гениально описал Морис Давидович Симашко в романах “Комиссар Джангильдин” и “Колокол” об Ибрае Алтынсарине, показав открытость казахских исторических личностей к прогрессивным изменениям при сохранении ими национального достоинства. Именно эти бесценные духовные ориентиры, родившиеся на казахской земле, которые вобрали в себя все казахстанские народы, сцементируют общую судьбу всех казахстанцев, объединив их в Нацию единого будущего», – подчеркнул Мухтарбек Шайкемелев.

Художник и власть

Морис Симашко был и остается выдающимся прозаиком, который, по точному определению Мурата Ауэзова, умел проникать в иные миры. Мировые цивилизации, древние, но в то же время остро современные по происходящим в них социально-политическим процессам, сошлись в его ярких художественных произведениях. Это «Маздак», где на материале сасанидского времени, в обстановке зороастризма прослеживается природа нынешних катаклизмов Востока, «Искушение Дабира» с его объяснением, откуда есть пошел обнаглевший донельзя терроризм, «Емшан», или «Бейбарс», где впервые в истории поднимается тема манкуртства, «Искушение Фраги», вскрывающее суть отношений творца с абсолютной властью...

Об этом говорил в своем выступлении на литературных чтениях и президент Казахского ПЕН-клуба Бигельды Габдуллин.

– Как-то я спросил у Мориса Давидовича про историю создания любимой мной повести «Искушение Фраги», про то, как складывается отношение творца с абсолютной властью, как он понимает одну из кардинальных проблем всех времен – «художник и власть».

Морис Давидович улыбнулся, глаза его загорелись огоньком, и он ответил коротко: «Во все времена, как коса на камень, сталкиваются два начала – власть и художник. Власть постоянно пытается привлечь художника на свою сторону, использовать его талант в своих целях. А художник, наоборот, противится такому положению вещей. И это приводит к драме духа. Полной независимости он может достичь, лишь отказавшись от пера. Так что приходится выкручиваться, мой друг!»

Бесспорно, Симашко был выдающимся писателем. В книге «Перпендикуляр» известного русского писателя Михаила Веллера я нашел замечательную оценку творчества Симашко. Он пишет: «...хотелось бы упомянуть только еще об одном человеке, об одном из выдающихся, интереснейших, лучших русских писателей XX века... Этого человека звали Морис Симашко. ... он написал несколько гениальных вещей. Я повторяю – гениальных вещей. А в частности, это роман “Маздак”... потом написал непревзойденную по мастерству и стилю повесть “Емшан”. И написано это по законам очень короткой прозы. Написано это алмазным резцом», – подчеркнул Бигельды Габдуллин.

Надо сказать, что Симашко – это писательский псевдоним Мориса Давидовича. Он перевернул свою фамилию – Шамис, добавив к ней окончание – ко. Кстати, свое необычное для нашего слуха имя – Морис – Симашко тоже получил не случайно. Вот что он пишет по этому поводу в своем последнем автобиографическом романе «Четвертый Рим»:

«18 марта. День Парижской коммуны. Именно в это знаменательное число я и родился в студенческом общежитии Одесского института народного образования. Отец носил комсомольскую форму, мать – тоже интернационалистка, и мое имя не могло быть другим: только Марсель или Морис. Спорили лишь об этом. Имя Морис предопределило в моей жизни многое».

Правда, и ничего, кроме правды

Имя действительно многое объясняет, например, то, что Симашко всегда, в любых жизненных обстоятельствах оставался интернационалистом. Однажды, размышляя по поводу того, как сложилась его литературная судьба, чем это можно объяснить, он написал: «Каким-то особым везением? ... Твердо убежден лишь в том, что не бывает в литературе других путей, кроме прямого». Об этом вспомнилось мне в своем выступлении на чтениях. Он был честен во всем и всегда, и когда создавал такие пронзительные рассказы, как «Писание по Бондарю» и «Бербека», связанные с детскими впечатлениями тридцатых годов в Украине, и повесть «Гу-га», которая появилась после встречи с бывшим однополчанином. Вспоминая о товарищах по военно-авиационной школе, Морис пишет о том, как он воевал в штрафбате. И что примечательно, повесть эта была первой в советской литературе книгой о штрафных батальонах. Позже она была экранизирована в двух сериях Одесской киностудией.

О том, как Морис Симашко попал в штрафной батальон, мне рассказал близкий друг Мориса Давидовича, тоже участник войны Леонид Гирш, столетие которого недавно отметили в алматинском Доме дружбы.

– В Джизаке – это небольшой городок возле Ташкента – Морис поступил в военную школу пилотов. Шел 1942 год. Учлеты летали тогда на кукурузниках Су-2, а у Мориса была девушка, которая жила километрах в десяти от Джизака. И как-то, отправляясь в очередной учебный полет, он решил

слетать к ней на свидание. В итоге был большой скандал, Морис попал под трибунал, потом – штрафбат и фронт.

Что же касается значения слова «гу-га», то это возглас, который кричали штрафники. Давай, мол, возьмем этих фрицев на «гу-га», пояснял Леонид Юзефович.

Сейчас уже не секрет, что штрафбатовцы были, по сути, смертниками. Они считались врагами народа, поэтому их посылали в самые опасные бои, где шансов выжить практически не оставалось – впереди шквал смертельного огня, а сзади, в спину, стреляли свои – чтобы не отходили. Правда, Морису Давидовичу повезло – в штрафном батальоне он был недолго, его вскоре ранило, он попал в госпиталь, после чего начался новый виток жизни.

Что же касается повести «Гу-га», то Симашко не ставил перед собой задачу показать лишь жестокость войны. Посвящая ее своим товарищам по военно-авиационной школе пилотов, он делал упор на лучшие патриотические качества тех, кто оказался вместе с ним в штрафном батальоне – бесстрашие, человечность, чувство товарищества и справедливости.

А вот пример уже из другой истории, той, что отдалена от нас далью веков – повесть «Емшан», которая, по словам Мориса Симашко, «появилась из ничего».

«Это был странствующий сюжет, но имел он определенные корни, – читаем мы в “Четвертом Риме”. – Упомянут он был в Волынской летописи. Я знал его с детских лет по стихотворению “Емшан” Аполлона Майкова. Кое-что мне рассказал писатель Сергей Марков. А мой юный тогда еще друг Олжас Сулейменов сообщил, что видел в Каире могилу султана Бейбарса. Эпитафия на ней гласила, что он был кипчаком из рода берш. И еще была казахская пословица, что лучше быть подошвой горы на родине, чем вершиной (султаном) горы на чужбине. Так что можете представить, какой пуд соли я тут съел!»

Но этот «пуд соли» открыл для нас неизвестный до этого пласт истории, причудливо соединив прошлое и настоящее, заставив задуматься, что же такое – любовь к родине?

Казахстан – зеркало мира

У Мориса Симашко тоже было особое отношение к своей второй родине – Казахстану и своим казахстанским друзьям. Этому посвящены воспоминания его современников и исследования казахстанских ученых.

«Казахстан – поистине зеркало мира со всеми его проблемами и надеждами, – писал он. – Представляя из себя сердцевину континента, он волею исторической судьбы вместили в себя, по выражению поэта, “все Бастилии грешной земли”. Мировые религии и сопутствующие им конфессии в той или иной мере представлены здесь и мирно соседствуют».

В результате зарубежных поездок писателя появилась прекрасная серия очерковых книг, и остается лишь пожалеть, что его долго не выпускали за границу, потому что уже первая командировка Симашко в Тунис обернулась блистательным очерком «Путешествие в Карфаген», а поездка с Президентом РК Назарбаевым в Израиль – публицистическим эссе «Дорога на Святую Землю».

– В ней Морис Давидович размышляет о вечных вопросах, о проблемах, которые актуальны и в XXI веке. Одной из основных тем его творчества была идея евразийства, – отметила, выступая на чтениях, автор книги о творчестве Симашко, заведующая отделом аналитики и внешних литературных связей Института литературы и искусства имени М. Ауэзова Светлана Аняева. – О многом он писал впервые. Скажем, повесть «Искушение Фраги»,

опубликованная на страницах журнала «Новый мир», была первой повестью о Махтумкули. В «Литературных сюжетах» правдиво сказано о начале крутой коллективизации «с реквизицией скота, обобществлением птицы, уполномоченных с наганами в руках. Завершалось это потоками бредущих по жидкой грязи людей: стариков и молодых, женщин и детей в сопровождении молчаливого, исполненного классовой непримиримости конвоя».

В книге «Дорога на Святую Землю» Морис Давидович вспоминает своих друзей – Аскара Сулейменова, Калтая Мухамеджанова, Фаризу Онгарсынову. Он дружил с Николаем Ровенским, Шеризданом Елеукиным, Герольдом Бельгером.

Размышляя об уникальной преданности писателя «теме Востока, кровной, можно сказать, связи с самой нашей жизнью», Шериздан Елеукин находит этому обоснование:

«Писатель – подлинный казахстанец уже не в первом поколении. Его отец, Шамис Давид Лазаревич, известный микробиолог, наследник кафедры Мечникова в Одесском – бывшем Новороссийском Императорском университете, в силу сталинских национальных репрессий не смог вернуться из эвакуации. В Алматы он организовал отделение, а затем Институт микробиологии и вирусологии Академии наук Казахстана, был многие годы его директором, член-корреспондентом Академии наук.

В свою очередь Морис Симашко, вернувшийся из небытия великого исторического деятеля – султана Бейбарса и хазарский период нашей истории, стал одним из основателей нового исторического романа в Центральной Азии».

– Не случайно Елеукин ставит имя Мориса Симашко в один ряд с Александром Затаевичем и Евгением Брусиловским, без которых казахская культура просто немыслима, – говорила в своем выступлении Светлана Ананьева.

Галантный век глазами Симашко

– Морис Симашко – замечательный художник, мастер слова, обладающий особенной способностью сочно, образно, неповторимо живописать, создавать колоритную атмосферу, многообразно передавать картины исторического бытия, как бы оживляя давно канувшие в Лету сцены жизни восточных и европейских народов. Эта способность, с моей точки зрения, связана с даром писателя глубоко вживаться в контекст исторической эпохи, воссоздавать психологию и живое чувство героев давно минувших дней, – сказал в своем выступлении доктор филологических наук, профессор КазНУ имени аль-Фараби, член Союза писателей Казахстана и Казахского ПЕН-клуба Аслан Жаксылыков.

Это «вхождение в Историю» прекрасно представлено и в романе «Семирамида», за который Морис Давидович был выдвинут Международным Казахским ПЕН-клубом на соискание Нобелевской премии в области литературы.

– Излюбленный прием автора в романе «Семирамида» – раздвигание мглы, пространства, смешение временных пластов, – считает Светлана Ананьева. – Главная героиня произведения Екатерина Вторая сама «сдвигает плену со своих глаз» и понимает, что в России «всё делалось по чужой воле. Её любили по слову императрицы. Звезда, которую увидела она в дневном небе, стоила дорого...».

Кстати сказать, для романа о Екатерине II Симашко пять лет скрупулезнейшим образом собирал материал. В Пушкинской библиотеке Алматы (ныне Национальная библиотека РК) Морис Давидович обнаружил 10-томник

царицы на французском языке. Поэт Валерий Михайлов перевел ему тогда ее записи, дневники, сочинения. Была там переписка с Вольтером, царственной рукою писанные пиесы, придуманные для внука Александра сказки. Много и тщательно работал Симашко в ленинградских библиотеках и архивах. Как тогда вспоминали знавшие писателя люди, у него даже стиль разговора стал петербургским.

А сам Морис Давидович говорил: «Семирамида» – это мой антиПикуль... Важно было опровергнуть подхваченное публикой утверждение о том, что движущей силой русской истории является фаворитизм. Но куда, извините, девалось тогда просвещение?» И он задался целью – проследить его корни от Петра Великого через верную исполнительницу предначертаний преобразователя.

Обидно, что Нобелевский комитет обошел казахстанца (как считают многие, несправедливо), отдав предпочтение немецкому писателю Гюнтеру Грассу. Но вскоре выяснилось, что Грасс в годы войны служил в войсках СС «Мертвая голова». И если бы это стало известно в свое время, то его, естественно, никто бы не премировал.

Судьба «Четвертого Рима»

Но больше всего, конечно, Мориса Давидовича волновали судьбы Востока, способы государственного устройства, отношения политики и культуры, идея всечеловеческого братства и страшное зло всех времен – терроризм. Темы эти присутствуют едва ли не в каждом его произведении. Ими пронизан и «Четвертый Рим», начатая в Алматы и законченная в Израиле книга, в которой Морис Симашко как бы подытожил свою жизнь. Это – книга-исповедь, книга-завещание.

Сам он так писал о ней: «Просто биографией это всё же не назовешь, для исторических заметок тут слишком много личного, для политического исследования – мало серьезности, сатиру я тоже не собирался писать, называть это “Повестью о жизни” – банально. Роман?..»

Судьба этой книги оказалась непростой. Об этом читаем в сборниках чтений в выступлении режиссера-документалиста, заслуженного деятеля искусств РК, кавалера ордена «Құрмет», руководителя студии «ИКС-Б» Александра Головинского, снявшего фильм «Миры Мориса Симашко».

– Когда Морис Симашко жил в Казахстане, каждое его новое произведение очень быстро выходило из печати, но судьба последней его книги «Четвертый Рим» получилась иная – рукопись переходила из издательства в издательство, из рук в руки... Когда я решил снимать фильм о Морисе Симашко, эта его книга, вернее, рукопись, и стала тем стержнем, на базе которой мой московский друг, сценарист Сережа Русаков написал сценарий.

Тогда же возникла идея – к 90-летнему юбилею Симашко издать «Четвертый Рим». К этому подключился почти 89-летний полковник, боевой человек Леонид Юзефович Гирш. Он провел колоссальную работу – вышел на Ассамблею народа Казахстана, которая поддержала идею издания книги, потом обратился в Министерство культуры РК, добился, чтобы на книгу были выделены деньги.

И всё, вроде бы, удачно складывалось, но тут случилось непредвиденное. После смерти Мориса Симашко у него осталась дочь, которая живет в Израиле, и по закону ей должны принадлежать авторские права на издание книг отца, поэтому необходимо было получить ее согласие на издание «Четвертого Рима» в Казахстане.

Леонид Юзефович начал переговоры с Израилем. Как оказалось, дочь Мориса Симашко не вступила в права наследования по чисто житейским обстоятельствам – она пенсионерка, живет на пособие, и если бы она стала наследницей своего отца, то потеряла бы средства к существованию.

Поэтому она предложила Гиршу стать правопреемником права на издание книги. И Леониду Юзефовичу пришлось заняться оформлением большого количества документов, то есть начать ту кропотливую, черновую работу, которая требовала не только много времени, но и сил. Не забывайте при этом, сколько лет было Гиршу! Но и здесь герой Великой Отечественной войны вел себя сугубо по-боевому.

И вот наконец из его рук я получил сигнальный экземпляр очень солидно изданной книги «Четвертый Рим». При этом надо сказать, что рукопись по объему не тянула на полноценное издание, поэтому по инициативе Леонида Юзефовича в книгу включили еще несколько повестей Мориса Симашко.

Я считаю, что со стороны полковника Гирша это был очередной подвиг, но теперь уже гражданский, который он совершил в память об ушедшем друге.

Даль веков Мориса Симашко

Вторые международные симашковские чтения, по традиции открытые председателем совета Ассоциации «Мицва», членом Совета Ассамблеи народа Казахстана Александром Бароном, были знаменательны не только увеличением числа их участников и расширением географии – было подано более сорока заявок не только из Казахстана, но и России, Израиля, Венгрии, Румынии, Беларуси – но и тем, что по инициативе Ассоциации «Мицва» была учреждена золотая медаль имени Мориса Симашко, которая ежегодно будет присуждаться пяти номинантам, исследователям жизни и творчества писателя.

Первые пять медалей были вручены культурологу, знатоку Востока Мурату Ауэзову, Светлане Ананьевой, автору научно-исследовательской книги «Морис Симашко», Кенжехану Матыжанову, генеральному директору Института литературы и искусства имени М. О. Ауэзова, Александру Карлюкевичу, главному редактору издательского дома «Звезда» (Минск), и кинорежиссеру Александру Головинскому, автору полнометражного документального фильма «Миры Мориса Симашко».

Выступивший на чтениях генеральный директор Международного центра сближения культур под эгидой ЮНЕСКО поэт Олжас Сулейменов так вспоминал о Морисе Симашко:

– Он был заводной и заводящий человек. Помню, что я искал в архивах материал для своей книги «Аз и Я» и случайно наткнулся на бумаги о султанах Бейбарсе. Просмотрев их, понял, что эта тема очень перспективна для написания исторического произведения. Но я осознал, что для этого нужен не поэт, а прозаик. Тогда я рассказал историю Морису, у меня не было возможности написать так, как он мог это сделать.

Ему тема понравилась, он засел за работу, подолгу пропадал в архивах, и в результате появилась повесть «Емшан». Она вызвала большой интерес и, по существу, заново открыла для современного читателя личность султана Бейбарса. Симашко был напичкан знаниями. У него получалось не только писать, но и быть интересным рассказчиком. И другие писатели, общаясь с ним, начинали ощущать тот творческий порыв, который был у него, он мог вдохновить на творчество других, – отметил Олжас Сулейменов.

Очень тепло вспоминал Мориса Давидовича дипломат, культуролог Мурат Ауэзов.

– Это был писатель, произведения которого становились событием. Я следил за тем, когда выйдет очередная книга Мориса Давидовича, и старался сразу же ее приобрести. Очень высоко ценю его творчество. Он удивительным образом соединял миры, эпохи, страны, народы, культуры.

Особое вольномыслие писателя проявлялось при личных встречах. В связи с этим вспоминается время, когда мне довелось работать в издательском отделе Общества охраны памятников. Мы сидели в одной комнате, беседовали на разные темы, и я себя не чувствовал посторонним. Пожалуй, я тогда был самым младшим в этой компании, но дружеская атмосфера, во многом возникшая благодаря Морису Давидовичу, не давала чувствовать разницу в возрасте, – вспоминал Мурат Ауэзов.

Заместитель председателя Союза писателей Казахстана, профессор, поэт, переводчик Бауыржан Жакып отметил главное, что, по его мнению, характеризует историческую прозу Симашко.

– Главное – это раскрытие исторического процесса через изображение реальной исторической личности или вымышленных героев, судьбы которых связаны с судьбами народа. Морис Симашко стремился к объективному воссозданию картины минувшего времени, людей и событий, реальной исторической действительности, о которой он писал.

Участники чтений отмечали, что Морис Симашко был знаковой фигурой не только в литературе Казахстана, но и самым переводимым казахстанским писателем на Западе.

Он по праву считается одним из основателей школы нового исторического романа в Центральной Азии. Не случайно многогранная личность Мориса Давидовича, его удивительная, не похожая ни на какую другую проза так привлекают исследователей. Ему было дано заглянуть далеко в прошлое, осмыслить его, чтобы лучше понять настоящее. Он считал, что именно там, за далью веков, и таятся истоки всех сегодняшних социальных процессов.

Не случайно писатель Адольф Арцишевский считает, что у Симашко был тайный сговор с вечностью.

– У него был сговор с самыми потаенными ее местами. Он бережно извлекал из вечности знаковые фигуры, коллизии, факты, всё то, что необходимо было для конфликтности в его сюжетах. А главное, всё то, что, казалось бы, покрыто патиной времен, но и роднило прошлое с настоящим и будущим, являло собой нерасторжимую связь эпох. А дальше происходило невероятное. Вдруг из событий, казалось бы, канувших в лету, с пугающей четкостью проступало наше, нас обжигающее время, проглядывало то, чем мы живем сегодня и сейчас. То, что берedit душу. Властно требуя и осмысления, и соучастия.

В связи с этим Адольф Арцишевский вспомнил такой случай.

– Когда-то мы с Морисом Давидовичем жили через стенку в Доме творчества. Я работал над переводом книги повестей Бакхожи Мукаева, а Морис над романом «Семирамида». Порой, то в мгновения нестерпимых озарений, то в минуты ступора мы заглядывали друг к другу. И вот как-то Морис попросил меня: «Слушай, прочитай мою рукопись повести “Гу-га”, как она на твой взгляд?»

Я, польщенный его доверием и одолеваемый любопытством, положил его рукопись на свой рабочий стол, потеснив подстрочник Бакхожи. Я изготовился к неспешному чтению. Осторожно, как в неизвестную реку, ступил в пространство повести. И – всё! Дальше я не принадлежал себе.

Я прочел рукопись на одном дыхании. И долго не мог пошевелиться от потрясения. Я выпал из реалий протекающего времени. Я забыл обо всем

на свете. Хотелось, как некогда Пастернаку, выглянуть в окно с одним-единственным вопросом: «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?..»

Соединитель времен и культур

Отличительной особенностью Вторых чтений стало включение в итоговый сборник статей и очерков о Морисе Давидовиче, которые были опубликованы ранее в различных казахстанских изданиях. Их объединила рубрика «Книголюб». Здесь можно увидеть такие известные имена, как Герольд Бельгер, Лиля Калаус, Виктор Бадиков, Юрий Герт, Марк Кабаков, Константин Кешин, Евгения Доцук...

Многие из них, к сожалению, уже ушли из жизни, как, например, Людмила Енисеева-Варшавская, которая в своем очерке «В обнимку с историей» характеризует Мориса Симашко как человека, наделенного «талантом милостью Божией».

– Он жил историей, а история жила в нем. Она звучала всеми голосами, переключалась на языках древнего мира, представала живыми картинами давно ушедших эпох и событий. В автобиографическом «Четвертом Риме» он написал: «Я ничего для себя не планировал, вечером играл в преферанс, а утром почему-то сел писать повесть. Называлась она “Повесть Черных песков”, впоследствии – “В Черных песках”, и это была, пожалуй, единственная поправка, которую сделал Твардовский при публикации в “Новом мире”».

Ну что же это, как не дар Божий – сел и написал! И как ни странно, удивляется автор, сам собою сложился сюжет, который, подобно орнаменту, мог бы повториться тысячу и две тысячи лет назад. В этот раз он пришелся на время революции в России. ... Прошлое и настоящее сошлись в руках Мориса, и это было открытие. Со всей очевидностью он понял вдруг: связь эта не случайна. Она существует испокон веков, и она цементирует мир.

Два десятка романов и повестей – это те самые барханы, под которыми таились истоки всех сегодняшних социальных процессов, и, положившись на интуицию, он докапывался до их корней. И больше всего, конечно, Мориса Давидовича волновали судьбы Востока, способы государственного устройства, отношения политики и культуры, идея всечеловеческого братства и страшное зло всех времен – терроризм. Темы эти присутствуют едва ли не в каждом его произведении. Вероятно, именно эти сквозные темы прозы и публицистики писателя так привлекают исследователей. Наверное, поэтому Вторые чтения, посвященные творчеству мастера, были наполнены именно литературоведческими материалами.

Скажем, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии Казахстанского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова Татьяна Кривошапова проследила этнокультурный контекст казахстанской русскоязычной литературы. Предметом изучения старшего преподавателя КазНУ имени аль-Фараби Нурзеды Какишевой стал восточный мир писателя Мориса Симашко. Главного научного сотрудника Института литературы и искусства имени М. О. Ауэзова, доктора филологических наук Алимжана Хамраева заинтересовала проблема преемственности и повтор истории на примере Востока в творчестве Симашко...

Романтик в душе, независимо мыслящий и входящий в любую эпоху, как в собственный дом, Симашко-прозаик проводит параллели, раскрывает, прогнозирует, предупреждает и тем самым, конечно же, вразумляет. И как ни странно – чем дальше мы движемся вперед во времени, тем более провидческими становятся его художнические прозрения и исторические умопостроения.

Многогранность творческого наследия

По традиции, Третьи международные чтения, посвященные творчеству Мориса Симашко, собрали в Алматы в Ассоциации еврейских национальных организаций РК «Мицва» большое число исследователей и почитателей таланта писателя. Как отметил в своем приветствии участникам чтений генеральный директор Института литературы и искусства имени М. О. Ауэзова, член-корреспондент НАН РК, доктор филологических наук Кенжехан Матыжанов, в творческом и литературном наследии Мориса Симашко отчетливо прослеживается традиция восприятия Востока в русле ориентализма.

– Казахстанский прозаик мастерски деконструировал языковую картину мира путем поиска следов культуры далеких цивилизаций... Морис Симашко, мастер умного и ироничного текста, профессионал высшей пробы пера, воскрешал многие смыслы и передавал их нам, читателям XX и XXI столетий, – считает Кенжехан Матыжанов.

В свою очередь доктор филологических наук, профессор Бейбут Мамраев подчеркнул, что творчество Мориса Давидовича востребовано сегодня, как и 50 лет назад.

– Заглядывая на читательские форумы, я вижу, что произведения Симашко активно обсуждаются читателями самых разных возрастов. Моя первая встреча с книгами Симашко началась в конце 60-х годов. Думал ли я тогда, что мне посчастливится познакомиться с автором, много с ним общаться? И уж тем более не думал я, что именно Симашко будет принимать меня в члены ПЕН-клуба.

Перечитывая произведения Мориса Давидовича, часто убеждаюсь, как они многослойны, многоуровневые, как много смыслов в них заключено. Романы Симашко – это путь познания себя, познания общества и мира, определения своего места и своей позиции в этом мире, – сказал Бейбут Мамраев.

О том, что творчество Мориса Симашко сыграло большую роль в развитии психологического, философского анализа в литературе, говорили президент Международного Казахского ПЕН-клуба Бигельды Габдуллин, доктор исторических наук, профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби Лайла Ахметова, доктор философии, преподаватель КазНПУ имени Абая Ринад Кошербаев и другие.

Член правления Союза писателей Казахстана, народный писатель Казахстана, заместитель главного редактора журнала «Простор», поэтесса Любовь Шашкова напомнила, что в 2024 году исполняется 100 лет со дня рождения писателя, и эту дату необходимо достойно отметить.

– Новому поколению критиков и литературоведов предстоит продолжить изучение не только литературного наследия мастера, но и осмыслить его переводческое мастерство, творческую дружбу и взаимоотношения с корифеями национальной и мировой литературы, – считает Любовь Шашкова. – В чем же феномен такого интереса к писателю, всю жизнь прожившему и проработавшему в Туркмении и Казахстане, прямо скажем, не на самых главных магистральных путях развития литературного процесса? Главная тому причина, думается – многогранность творческого наследия Мориса Симашко, привлекающая как филологов и историографов, специализирующихся на разных эпохах и историко-социальных темах, так и читателей самых разных сторонних запросов.

По словам председателя совета Ассоциации «Мицва» Александра Барона, международные чтения, посвященные творчеству Мориса Симашко, ждет интересная дорога во времени. Он также вручил новым номинантам золотую

медаль имени Мориса Симашко, которая была учреждена в прошлом году по инициативе Ассоциации «Мицва». Ими стали генеральный директор Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова Кенжехан Матыжанов, главный редактор белорусского альманаха «Литература и мастацтва» Алексей Черота из Минска, писатель Адольф Арцишевский, эта честь выпала и мне.

Из истории – в литературу

В выступлении на Третьих чтениях я обратилась к своим архивным материалам, один из которых был посвящен вхождению Мориса Симашко через историю в литературу. Как это произошло, мне когда-то рассказал один из самых близких друзей Мориса Давидовича – Леонид Юзефович Гирш. Вчерашние фронтовики, они были молоды, когда судьба свела их в 1947 году в небольшом туркменском городке Мары.

Морис Давидович получил сюда назначение после учебы на факультете журналистики КазГУ имени С. М. Кирова, а до этого он окончил еще и Одесский учительский институт. В Марях работал корреспондентом областной газеты и преподавал историю древнего мира и средних веков в здешнем пединституте.

А 22-летний лейтенант Леонид Гирш оказался в Марях вместе со своим 5-м гвардейским механизированным корпусом, передислоцированным после войны в Туркестанский военный округ.

Причем познакомились они при довольно необычных обстоятельствах.

Леонид Гирш, которого война сделала офицером, решил приобрести гражданскую профессию, а в Марях был пединститут, в котором у него образовалась задолженность как раз по истории древнего мира и средних веков.

– Захожу в аудиторию, вижу – сидит за столом худенький молодой человек в лняной гимнастерочке военного образца, перетянутой ремнем, – рассказывал Гирш. – Я достаю зачетку – а мне надо было сдать сразу два зачета – и протягиваю ему.

«Подготовился?» – спрашивает он. А мне, естественно, готовиться особо возможности не было, поэтому решил потянуть время. «А что это вы в гимна-

стерке? В войне участвовали?» Он отвечает, что служил на фронте в авиации. Поговорили про войну, и я опять спрашиваю: «А родом-то вы откуда?» Оказалось, из Одессы. «О! Так мы земляки». Сам-то я был из Кировограда, это, правда, далеко от Одессы, 800 километров. Но Морис отвечает: «Кировоград я знаю, это бывший Елисаветград, потом он был Зиновьевском».

Оказалось, он великолепно знал историю этого края. В общем, разговорились, забыли даже про зачёты, которые он мне в итоге автоматом поставил. С Морисом мы были одногодками, стали дружить. А другом он был верным...

Именно своему другу Лёне Гиршу однажды Морис Симашко сказал, что написал пьесу «На крайнем юге».

– Слышал ли ты, что в этих краях когда-то проходило войско Александра Македонского? – спросил он Гирша.

– Слышал, – отвечал тот.

– Это была глубокая старина, 323 или 326 год до нашей эры. Александр Македонский покорил тогда западную часть Индии, а потом перевалил горы Гиндукуша и пошел дальше через Мерв, так тогда назывались Мары, это был крупный древний город и первая стоянка Александра Македонского, – пояснил Симашко, погружая друга в древние века.

В общем, пьеса получилась, была переведена на туркменский язык. Позже она шла в театрах Туркмении, а также в Узбекистане, Таджикистане, Казахстане.

Симашко заметили, пригласили в Ашхабад. Именно в те годы он активно начал заниматься и литературой.

В 1999 году Морис Симашко уехал в Израиль к детям и внуку. Ему было 75 лет, но прожил он на земле обетованной всего один год.

– Он очень скучал по Казахстану, – рассказывал мне Леонид Гирш, – и умер внезапно, можно сказать, на ходу...

Когда из жизни уходит человек, с ним уходит и его человеческий бренный мир. Но когда уходит писатель такого масштаба, как Морис Симашко, нам остаются его книги, сотворенные им художественные миры – миры Мориса Симашко, которые будут привлекать всё новых и новых читателей и исследователей таящимися в них неизведанными открытиями. Потому что история, по словам Мориса Симашко, повторяется. Потому что она учит жить тех, кто хочет у неё учиться.

